

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-46-55

ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ ДЛЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Красных В.В.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация 119991*

Аннотация. Целью статьи является представление лингвокультуры, изучение которой может оказаться важным для теории и практики преподавания русского языка как иностранного. В статье кратко представляются феномены лингвокультурной идентичности и лингвокультуры. Системные и функциональные особенности лингвокультуры рассматриваются в сравнении с языковой системой. В качестве иллюстративного материала приводятся примеры из современных СМИ, кинофильмов, современной литературы (как правило, массовой), представленные в Национальном корпусе русского языка и в личной картотеке автора. Высказывается предположение, что единицы лингвокультуры призваны стать предметом отдельного изучения с точки зрения не только лингвистики, но и лингводидактики.

Ключевые слова: лингвокультурная идентичность, лингвокультура, синонимико-вариативные ряды, антонимико-вариативные ряды.

THE IMPORTANCE OF STUDYING LINGUOCULTURE FOR THEORY AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

V. Krasnykh

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The aim of the paper is to present the phenomenon of linguoculture, the study of which may be important for the theory and practice of teaching Russian as a foreign language. The author briefly presents the phenomena of linguocultural identity and linguoculture as such. Systemic and functional features of linguoculture are discussed in comparison with the language system. As an illustrative material, the author provides examples from modern media, movies, contemporary literature (as a rule, popular one), that are present in the Russian National Corpus and in the personal file of the author. The author suggests that units of linguoculture are intended to be the subject of a separate research from the point of view of not only linguistics but also linguodidactics.

Key words: linguocultural identity, linguoculture, synonymic-variational series, antonymic-variational series.

Мы живём в эпоху перемен, в сложное и интересное время. Интересное, конечно, в первую очередь с точки зрения исследователя. Данное утверждение базируется на представлении, что сегодня мы наблюдаем смену парадигм (и не только научных), зачастую оказываемся участниками небывало широких и плотных (к сожалению, не всегда дружественных) контактов языков и культур (подчас радикально различных в своих проявлениях) и, как следствие, бываем вовлечены в разнообразные конфликты. Думается, что многие проблемы современного мира обусловлены в том числе столкновением двух противоположных глобальных тенденций: с одной стороны, глобализации как таковой и, с другой – роста национального / этнического / культурного самосознания как своего рода реакции на сам процесс глобализации, которая предполагает, в том числе, определённую унификацию личностей, живущих в разных странах, говорящих на разных языках, представляющих разные культуры (конечно, в данном случае мы упоминаем только один из аспектов сложнейших проблем современного мира). Вышесказанное обуславливает важность и актуальность культурной и лингвокультурной идентичности для самого человека-личности и, как следствие, постоянно растущий интерес исследователей к факторам, определяющим (или, как минимум, влияющим на) данную идентичность.

В данном случае культурная и лингвокультурная идентичность понимается нами как принадлежность человека-личности тому или иному национально-/этно-лингво-культурному сообществу. При этом лингвокуль-

турная идентичность предполагает у каждого человека говорящего (*Homo Loquens*) наличие лингвокультурной (или, по В.Н. Телия, культурно-языковой [10; 11]) компетенции, которая заключается в умении кодировать и декодировать культурноносные смыслы, стоящие за знаками языка.

Лингвокультурная идентичность человека говорящего (*Homo Loquens*) предопределяется как внутренними, так и внешними факторами. Внутренние факторы соотносятся с этнической и культурной самоидентификацией личности (в рамках данной статьи позволим себе на этом не останавливаться). Внешние факторы самым непосредственным образом связаны с лингвокультурным окружением личности и с лингвокультурой как таковой.

Лингвокультура понимается как культура оязыковлённая, т.е. воплощённая и закреплённая в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых / речевых процессах, это культура, явленная нам в языке и через язык. Лингвокультура – феномен лингвокогнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь культурными смыслами и находящимися с ними в отношениях взаимосвязанности образами сознания в их вербальных одеждах; это третья семиотическая система, возникающая в рамках некоторого сообщества на участке пересечения / наложения языка и культуры данного сообщества; это только спаянные культурой общие компоненты языкового сознания, т.е. опосредованные значениями и скреплённые культурным ядром общие компоненты образа мира (подробнее см.: [3; 4]).

И ещё одно соображение общего характера, которое представляет

ся важным для данного разговора. Ян Ассман, признанный специалист в области изучения культурной памяти, единомышленник и, как представляется, в определённом смысле последователь Ю.М. Лотмана (см. [1, с. 21]), пишет, что культура предстаёт как объективизированная память общества, которое сохраняет свою идентичность и передаёт её по цепочке поколений. При этом, по мнению Я. Ассмана, культурная память – это ещё и обобщающее название для некоторого «знания», которое регулирует деятельность человека (отмечу, что культурная память выполняет те же функции, что и культура как таковая: конгломерации, дифференциации, идентификации, легитимации; подробнее см. [4]). Это «знание» управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах, включая общество в целом. Оно должно постоянно (из поколения в поколение) повторяться и заучиваться. Таким образом, культурная память формируется веками, и её носителями являются уже не обязательно современники «актуального сообщества вспоминающих», а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции; в древних культурах эту функцию выполняли, например, жрецы [1]. Приходится признать (и я часто говорю это слушателям), что сегодня такими профессиональными носителями культурной памяти, т. е., если угодно, современными жрецами, являются представители гуманитарных наук и в первую очередь филологи, историки, культурологи (да не обидятся на меня коллеги, работающие в других областях знания).

Соответственно, в современном мире возрастает роль преподавателя (независимо от того, что, где и кому он преподаёт) и как транслятора знаний (фактор личности в этом процессе ещё никто не отменял, несмотря на все возможные и невозможные технические достижения), и как транслятора культуры. Как представляется, сегодня едва ли кто-либо будет спорить с тем очевидным фактом (очевидным для представителей многих наук), что человеческое общение было и остаётся крайне важным условием жизнедеятельности человека, ибо в коммуникации человек как представитель своего генотипического вида становится личностью, в коммуникации себя проявляет и являет миру, без коммуникации весьма затруднён, если не невозможен, сам процесс познания, и т. д., и т. п.

Что касается трансляции культуры, то она может быть, так сказать, «вертикальной», от поколения к поколению (что и составляет основное содержание процесса социализации, или процесса «врастания ребёнка в цивилизацию», по А.Н. Леонтьеву [6, с. 173–175; 5]), процесса становления личности как представителя своего национально/этно-лингво-культурного сообщества. Но трансляция культуры может быть и «горизонтальной», и тогда она предстаёт как процесс передачи / трансляции культуры (культурных ценностей, оценок, установок и под.) «здесь и сейчас» от носителя одной культуры и лингвокультуры представителю другой. А вот это уже область преподавания языка (как языка общения и языка культуры) в иноязычной аудитории. И вот мы подошли к проблеме, которая заявлена в названии данной статьи, а именно: значение изучения

лингвокультуры для лингводидактики, для преподавания русского языка как иностранного. Что, на наш взгляд, не стоит игнорировать, но, напротив, стоит иметь в виду и учитывать при подготовке учебных материалов и в практике преподавания, даже если лингвокультурологический аспект не является предметом обучения?

Важным представляется то, что лингвокультура обладает определёнными особенностями по сравнению с собственно языковой системой. Рассмотрим некоторые примеры, подтверждающие данный тезис.

Во-первых. В лингвокультуре единицы вступают в такие взаимоотношения, которые могут отсутствовать в собственно языке. Так, например, прецедентные феномены и стереотипы (оязыковлённые представления, понимаемые как результат эмоционально-образного восприятия действительности) могут образовывать ряды «соположных», близких по культурной семантике, и «противоположных», противопоставленных по культурной семантике, единиц. Данные ряды можно, думается, определить (с опорой на идеи М.В. Всеволодовой, напр.: [2] как «синонимико-вариативные» и «антонимико-вариативные» (справедливости ради замечу, что сама М.В. Всеволодова и представители её научной школы используют термин «синонимико-вариативные ряды» применительно к грамматическим явлениям). Лингвокультура позволяет выстраивать ряды на основе культурного смысла эталона, например: эталон труженика – *ишак, вол, лошадь, муравей, пчела* (стереотипы), *Золушка, папа Карло* (прецедентные имена), с одной стороны, и эталонный

носитель лени – *Обломов* (прецедентное имя) и *трутень* (стереотип) – с другой. Каждый из указанных рядов предстаёт как синонимико-вариативный, при этом между собой они вступают в антонимико-вариативные отношения. Думаю, что едва ли с точки зрения традиционной (в лучшем смысле этого слова) лингвистики, изучающей собственно язык во всём многообразии его проявлений, можно было бы представить, скажем, *вола* и *Золушку* в виде синонимов, а *лошадь* и *Обломова* – как антонимы. На поле же лингвокультуры это вполне допустимо. Приведу ещё несколько примеров. Синонимико-вариативный ряд, построенный на основе эталона сыщика: *Пинкертон* (часто – со строчной буквы, поскольку имя практически полностью перешло из класса прецедентных имён в класс имён нарицательных), *Шерлок Холмс, Пуаро, мисс Марпл, комиссар Мегрэ* (прецедентные имена), а также «мерцающие» (т. е. регулярно претерпевающие актуализацию / деактуализацию (по Ю.М. Лотману [7; 8; 9]) *Глеб Жеглов, Анастасия Каменская*. Например: – *Неужели серьёзно полагаете, что сумеете вычислить убийцу? Это же игра в разбойников. Полагаю, вы не считаете себя Шерлоком Холмсом?* (Ч. Абдуллаев, Плата Харону). [*После неудачного разговора с возможным свидетелем.*] *Ясно одно, что ничего не ясно. И я так неосторожно оборвала сегодня тоненькую ниточку, которую смогла ухватить. Да, Сима, ты точно не мисс Марпл. Примерно в таком духе я рассуждала по дороге домой* (И. Павская, «Джоконда» Мценского уезда).

Антонимико-вариативный ряд, построенный на основе противопо-

ставления эталона ума – Сократ (прецедентное имя; отсюда сократовский лоб) и эталона глупости – курица (стереотип; отсюда куриные мозги). Например:

Медсестры молчали. ... Я покосилась на компьютер.

– Может, информация в машине?

– Умные все какие стали, – вздохнула другая девица, – прямо Сократы.

– А уж наглые! – подхватила другая... (Д. Донцова, Вынос дела).

Дядя Сандро был прав, говоря, что все женщины, за редким исключением, глупы как курицы (Караван историй, 2000). – Зина мне всё объяснила! Камеры не работают, хоть и выглядят круто. ... Я подавила раздражение. Всё-таки Жозя и Дана – безголовые курицы [не починили камеры, когда есть опасность нападения на дом]! (Д. Донцова, Стриптиз для Жар-птицы)

Аналогичный случай: ряд, построенный на основе эталона богатства и эталона бедности: эталонный носитель богатства – Ротшильд, Рокфеллер, Крез (и некоторые «мерцающие», например, Абрамович, или авторские: «Был бы я богат, как царь морской», В.С. Высоцкий), с одной стороны, и, с другой стороны, эталонный носитель бедности – церковная мышь. Например: Бабушка сообщала, когда я просил деньги у матери, не знавшей, что отец перед уходом на работу дал мне пятёрку: «Не давай. Он с утра уже ротшильд». Мальчишки спрашивали, решая вопрос, кто сегодня всех ведёт в кино: «Кто сегодня ротшильд?» Нарцистичность этого прозвания подверглась сомнению только в седьмом классе, после прочтения «Монте-Кристо», когда ясно стало, что фамилия

многострадального графа всё-таки не Ротшильд, хотя он и есть чистой воды «ротшильд», то есть относящийся к абстрактной категории беспрекословного богатства (А. Иличевский. Перс. – [НКРЯ¹]). Прикинув в уме, что к концу лета я стану богата, как Крез, и смогу купить себе сапоги в комиссионке на Гарибальди, я дрогнула (Т. Соломатина. Акушер-ХА! Байки. – [НКРЯ]). Тогда Твардовский предложил: «Анатолий Наумович, я не Крез, но вот вам моя сберкнижка» (В. Нузов, Т. Винокурова-Рыбакова. «Миллионы советских детей росли на книгах Рыбакова...» // «Вестник США», 2003.11.12. – [НКРЯ]). Длинная немецкая шаль госпожи Кюхельбекер волочилась по полу: в Павлове царствование она была, быть может, прилична; родитель Вальховского был беден как церковная мышь (Ю.Н. Тынянов. Пушкин. – [НКРЯ]).

Похожую ситуацию можно найти и среди собственно языковых единиц – лексем, рассмотренных сквозь призму лингвокультуры. Например: эталон предельно малого количества – нитка, капля (отсюда промокнуть до нитки, обобратить до нитки и до последней капли крови, ни капли времени, ни капельки не сомневаться, «Но Вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня...») и эталон большого количества – гора, море, океан (отсюда гора / море / океан вопросов, гора посуды, море / океан проблем). При этом в пределах одной языковой единицы (зд.: фразеологизма) возможно сочетание двух эталонов: предельно малого и предельно большого количества – капля в море.

¹ Помета [НКРЯ] обозначает, что пример взят из Национального корпуса русского языка. URL: ruscorpora.ru.

Так же, отлично от собственно языковой системы, выстраивает лингвокультура синонимико- и антонимиковариативные ряды с компонентами *чёрный – тёмный – белый – светлый*. Связано это, вероятно, с культурноносными смыслами, стоящими за данными единицами и восходящими к базовой оппозиции *свет / тьма* (остановлюсь на этом очень коротко, чтобы просто обозначить, указанные различия, и отошлю к работам Вяч.Вс. Иванова, В.М. Мокиенко, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьян и др.). Культурная семантика единиц *тёмный / чёрный* обуславливается семантикой *тьмы*, которая не позволяет хорошо видеть, различать предметы и, соответственно, понимать, осмысливать, знать. Отсюда *тёмный человек* – человек, не обладающий знаниями, «пребывающий во тьме» (*Тёмный ты человек: ничего-то ты не знаешь*). Однако невозможность понимания ведёт к неизвестности, а последняя всегда опасна. Отсюда *тёмная личность* – человек «непонятный», а потому потенциально опасный (*Будь с ним осторожней: он тёмная личность*). Кроме того, семантика *тьмы*, связанная с идеей *низа, зла* и под., объясняет и появление *чёрного человека* как зловещего посланца, как определённого воплощения самой смерти (начиная с древнейших времён и до наших дней; вспомним, напр., произведения Моцарта, А.С. Пушкина, С.А. Есенина, И. Бергмана и др.). Культурная семантика *светлый / белый* предопределяется семантикой *света*, соотносимого с идеями *верха, Бога, добра*. Отсюда *светлый человек* и *светлая личность* – человек добрый, дружелюбный, открытый, испытывающий и

дарящий радость, чистый в помыслах и деяниях и под.; см. также в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (М., 1940; т. 4): «*Светлая личность* (книжн.) – человек безупречной общественной репутации». Похожий случай: *чёрное пятно* (на репутации; ≈ «грязное», несмываемое, позорное) – *тёмное пятно* (в биографии; ≈ что-то неизвестное: может быть период, событие и под.) – *белое пятно* (на карте; ≈ не заполненное изображением, обозначающее место, тоже по сути неизвестное) – *светлое пятно* (в истории; ≈ радостное, приятное, счастливое событие). Например: – *Мне неприятны эти воспоминания, это самое чёрное пятно в жизни, – говорит Олег Макаров* (С. Лесков. Притяжение Земли. Катастрофа «Колумбии» ставит под сомнение необходимость пилотируемой космонавтики // «Известия», 2003.02.03. – [НКРЯ]). *И если ты уж допустил жестокость, то и её надо искупить добром, надо смыть чёрное пятно с души, – так учил мой отец* (Ю. Азаров. Подозреваемый. – [НКРЯ]). *Но у Веденина было одно тёмное пятно в биографии ... и его в 24 часа уволили* (Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище. – [НКРЯ]). *В настоящее время является руководителем проекта «Архипелаг» Туристического союза Аландских островов, цель которого – привлечь сюда российских туристов, открыть для них ещё одно «белое пятно» на карте соседней Финляндии, познакомить путешественников и туристов с жемчужиной Скандинавии* (Ю. Жвиташвили. Аланды – русские острова // «Петербургский Час пик», 2003.09.10. – [НКРЯ]). *Единственным светлым пятном за сегодняшний*

день обещало быть свидание с Леночкой (Н. Леонов. Лекарство от жизни. – [НКРЯ]).

Таким образом, на поле лингвокультуры *тёмный* и *чёрный* не встают в ряд близких, схожих понятий и не противопоставляются единицам *светлый* и *белый*, а *тёмный* вдруг оказывается близок единице *белый*. Кроме того, все эти единицы могут различаться по сочетаемостным возможностям: человек может быть *тёмным*, *чёрным*, *светлым*, а личность – только *тёмной* и *светлой*. Конечно, здесь обязательно нужно учитывать семантику слов *человек* и *личность* и контекстуальное окружение *пятна*, но, будучи ограниченной жанром статьи и учитывая, что такого рода вопросы требуют отдельного большого разговора, остановлюсь на сказанном.

Во-вторых. Следует отметить, что единицы лингвокультуры, будучи таковыми, несмотря на своё воплощение в знаках языка, отличаются от собственно языковых единиц и по своему функционированию. Покажу это на одном, как представляется, весьма показательном примере – на примере имён, имеющих статус прецедентных. Дело в том, что прецедентное имя (в отличие от имени собственного) в ряде случаев проявляет определённую «индифферентность» к полу называемого / описываемого объекта. Так, лингвокультура позволяет называть женщину и *Иваном Сусаниным*, и *Кулибиным*, и *Шерлоком Холмсом*, и *Моцартом*, и т. д., если имеет место сравнение того или иного её проявления (поведения, действия, характера, способностей и проч.) с эталоном / носителем эталона. Иначе говоря, если эталонным деятелем / носителем яв-

ляется мужской персонаж (исторический, литературный, фольклорный), его имя на время «присваивается» женщине, и это не вызывает недоумений ни у кого из тех, кто понимает, о чём идёт в данном случае речь. Вместе с тем нельзя не заметить, что в использовании такого рода имён (прецедентных имён) безусловно «работают» некоторые гендерные «рамки»: скорее женщину назовут именем мужчины, нежели наоборот, т. е. скорее даму, обладающую энциклопедическими знаниями и разносторонними талантами в области наук, назовут *Ломоносовым*, нежели талантливого мужчину-математика *Софьей Ковалевской*. Интересно, что при этом упоминание какого-либо атрибута пола или самого пола по отношению к женщине возможно, но не обязательно, при апелляции же к женскому персонажу по отношению к мужчине обозначение пола последнего скорее приветствуется, нежели игнорируется, хотя это тоже возможно (см. последние два из приводимых далее примеров): *Одна мадам, сторожившая дом не хуже цепного пса, вычислила грабителя, потому что при входе в парадное он... не вытер ноги! Мегрэ в юбке оперативно обзвонила жильцов, чтобы затаились, а потом вызвала милицию (МК, 27.02.1999). Лола ощутила себя несчастной узницей, замурованной в подzemелье на долгие годы – что-то вроде женского варианта графа Монте-Кристо (Н. Александрова, Не все кошки серы). <...> никто из нас, включая дипломированного ветеринара Дениску и желающую стать Айболитом Маню, не способен определить, кем является Че [странное существо, случайно оказавшееся в доме] (Д. Донцова, Лягушка Баскервилей). Навер-*

ное, я последний московский романтик, мечтаю о большой и чистой любви. Я – **Ассоль мужского пола**, который ждёт алых парусов (МК, 13.11.2004). Гроссмейстер Анатолий Вассерман стал одесской политической **Кассандрой** в 1985 году, когда к изумлению коллег из НИИ, вычислил, что на смену умершему Черненко к власти придёт Михаил Горбачёв (МК, 01.11.2005). Так много работы, что Вы чувствуете себя **Золушкой?** (Реклама чипсов «Чемпион», где «главным героем» является молодой человек).

Конечно, в данном случае очень многое зависит также и от собственно того представления, которое за именем стоит (от инварианта восприятия прецедентного имени). Часто некоторый фрагмент такового оказывается менее значим, чем другие, и тогда происходит его «редуцирование». Например, от представления, стоящего за прецедентным именем *Анна Каренина* ('женщина, бросившаяся под поезд', как показывает анализ корпуса примеров), в некоторых контекстах может актуализироваться только 'человек на рельсах', как в следующем случае: *Главный ужас машиниста – «анны каренины», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало: около 50 «сознательных» самоубийц и ещё вдвое больше, человек 100, поскользнувшихся и вытолкнутых на рельсы толпой* (АиФ, № 47, 2004).

В-третьих. Ещё одна особенность лингвокультуры, которая заслуживает, на мой взгляд, особого упоминания. Как показывают исследования, прецедентные имена могут не только употребляться по отношению к представителю противоположного пола, но и даже (хотя и редко) менять свою грамматическую категорию рода: Бу-

ратина (при описании девушки с длинным носом – см. приводимый далее пример), *Золушк*Ø (по отношению к молодому человеку, удачно женившемуся на богатой невесте; не *Золушок* (*sic* – !); подобное употребление встретилось мне в массовой литературе) и под. Например: – *Она, между прочим, тоже собралась на вечер. – Кто? Эта Буратина?* (К/ф «Не хочу жениться»).

Объяснить такую особенность данных единиц представляется несколько затруднительным с собственно грамматических, лексических, семантических и проч. позиций, т. е. если мы остаёмся на поле собственно языка. Но всё это оказывается вполне понятным и объяснимым, если мы «переведём» прецедентные имена из сферы рассмотрения собственно языка в сферу лингвокультуры, где грамматические, лексические и прочие собственно лингвистические категории оказываются частично нерелевантными или – как минимум – отходят на второй план.

Думается, что для собственно языковых единиц такие случаи едва ли представляются возможными. Даже если вслед за детьми считать, что **мух* и **синиц* – это «дяденьки» в отличие от «тётенек» *мухи* и *синицы*, всё равно весьма затруднительно утверждать, что **женщин* и **тётеньк* (им.п., ед.ч.) – мужчина (ср. **Золушк*). Справедливости ради, однако, не могу не сказать, что были отмечены случаи такого «нетрадиционного» словоупотребления, напр.: фотография годовалого мальчика Миши в газете была снабжена надписью «*Бабочк!*» (МК, 20.03.2007), хотя в данном случае, вероятно, имело место подражание только что упомянутому «детскому» языку. В целом такие употребления, если они

встречаются, обязательно оказываются стилистически маркированы в силу особой эмотивности (ср. название фильма «Усатый нянь»).

В заключение отмечу, что определённые – и важные – различия между единицами языка и единицами лингвокультуры, хотя и зафиксированы в

научной литературе, ещё только ждут своего исследователя. И изучаться они должны не только с точки зрения лингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии т. д., но и с позиций лингводидактики, с точки зрения теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М.: Издательство Московского университета, 2000. 501 с.
3. Красных В.В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013, № 2. С. 7–18.
4. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры: Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд. 3-е. М.: Издательство Московского университета, 1972. 576 с.
7. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 200–202.
8. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Учёные записки Тартуского государственного университета. 1971. № V. Вып. 284. С. 147.
9. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) [Электронный ресурс] // Ruthenia.Ru : [сайт]. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (дата обращения: 02.03.2015).
10. Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776–782.
11. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

REFERENCES

1. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high ancient cultures]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ, 2004. 368 p.
2. Vsevolodova M.V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa* [The theory of functional-communicative syntax]. Moscow, Moscow State University Publ., 2000. 501 p.
3. Krasnykh V.V. [Linguistic culture as an object of the cognitive research]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2013, no. 2, pp. 7–18.

4. Krasnykh V.V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury: Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and grammar of linguoculturology: the Foundations of psycholinguculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2016. 496 p.
5. Leont'ev A.N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Politizdat Publ., 1975. 304 p.
6. Leont'ev A.N. *Problemy razvitiya psikhiki* [Personality development problems]. Moscow, Moscow State University Publ., 1972. 576 p.
7. Lotman Yu.M. [Memory in culturological lighting]. In: *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. Tallinn, Aleksandra, 1992. Vol. 1. pp 200–202.
8. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. [On the semiotic mechanism of culture]. In: *Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Sign Systems Studies. Scientific notes of the Tartu State University], 1971, no. V, iss. 284, pp. 147.
9. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. [The role of dual models in dynamics of the Russian culture (to the end of 18th century)]. In: *Ruthenia.Ru*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/537293.html> (accessed: 02.03.2015).
10. Teliya V.N. [Afterword. Purpose, goals and objectives of the phraseological dictionary of a new type]. In: *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii* [The big phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Cultural studies review]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. pp. 776–782.
11. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii, lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 288 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красных Виктория Владимировна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры общей теории словесности Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: victoryvk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria V. Krasnykh – Doctor in Philological sciences, associate professor, professor at the Department of General Theory of Literature, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: victoryvk@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Красных В.В. Значение изучения лингвокультуры для теории и практики преподавания русского языка как иностранного // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 2. С. 46-55
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-46-55

FOR CITATION

Krasnykh V.V. The importance of studying linguoculture for theory and practice of teaching Russian as a foreign language. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*. 2018, no. 2, pp. 46-55
DOI: 10.18384/2310-7278-2018-2-46-55